

Икона Святого Хосемарии

Написана первая икона
Святого Хосемарии Эскрива.
Интервью с художником
Александром Соколовым.

13.03.2013

«Художник милостью Божьей, иконописец первого ряда, из тех, кого мы называем именно иконописцами, а не просто ремесленниками», - в таких выражениях представляла искусствовед, специалист по современной иконописи Ирина

Языкова художника Александра Соколова.

Александр Соколов, профессиональный художник, написал свою первую икону в 1980 г. С тех пор он расписал не один храм, написал множество икон, работал не только в России, но и в Японии, США, Италии. Многим известна написанная им в 1992 г. для Серпуховского Высоцкого монастыря икона «Неупиваемая Чаша», которая почитается как чудотворная.

А. Соколов возвращает иконе ее «глубинный смысл как высшего художества и богословия», продолжает И. Языкова. Для нее важно, что работы иконописца – это не копирование старых образцов, они «каждый раз рождаются чудом», из духовного опыта самого художника. То, что «Неупиваемая Чаша» кисти А.

Соколова оказалась чудотворной, можно считать «удивительным знаком Божьего доверия к нему, а с его стороны – доверия к Богу», говорит искусствовед.

В приделе храма Казанской иконы Божьей Матери в с. Пучково находится первый в России престол, освященный во имя новомучеников и исповедников Российских. Росписи и иконы для этого алтаря выполнил А. Соколов.

– Александр, когда вы первый раз узнали о святом Хосемарии?

– Я первый раз узнал о святом Хосемарии от Антона Гаспаровича Сальвия, бывшего директора радио “Свобода” в Москве. В 1992 г. этот замечательный и почти обрусевшийся американец попросил меня написать икону Архангела Рафаила и молодого Товия для обложки «Пути»,

известной книги святого Хосемарии. Тема освящения профессиональной и повседневной жизни – это тема Хосемарии Эскрива. Она очень актуальна, хотя ее окончательное осмысление для меня пришло не сразу. Сейчас понимаю: любое честное делание может стать духовным деланием. Это идея Эскрива. Я прочитал труды св. Хосемарии. В контексте нашей пост-советской жизни я не сразу улавливал аромат учения святого, но со временем много стало созвучно мне. Традиция Русской Церкви и традиция Запада не антагонистичны. Мало того, что пережил Запад, мы и переживаем сейчас. Какие-то кризисы, вызовы, нас они не касались тогда, но сейчас они очень актуальны. Здесь опыт Отцов Средневековья безнадежен в плане практики. Эскрива могу сравнить только с Серафимом Саровским, вижу в

обоих святых общую духовную линию.

– Александр, фотографий святого Хосемарии множество. В чем преимущество иконы?

– По фотографиям не познакомишься с личностью святого. С иконы можешь. В иконе отражается образ Божий, скрытый в личности святого. Святой должен быть прозрачным.

– Александр, когда пишете иконы, что главное для вас?

– Для меня художественный опыт - всегда вторичное. Больше интереса представляет опыт духовного пути.

– Александр, я знаю, что писанием икон вы занялись еще в брежневские годы...

– Все вышло очень естественно. Я учился в художественной школе, хотел быть художником. И когда в возрасте 16 лет пришел в Церковь, то профессиональный выбор мною уже был сделан. Оставалось только приспособить себя к церковной жизни в качестве иконописца. Хотя семья наша не была православной, обычная советская семья. Так что о вере я все узнавал сам – из книг, благодаря не совсем случайным встречам с разными людьми, которым я очень многим обязан и очень за все благодарен. После армии учился в Строгановском училище и в то время уже начал писать иконы. Мне хотелось лучше изучить собственно живопись. Я учился на отделении подготовки мастеров-реставраторов. Мы копировали иконы и изучали технологию иконописи, для иконописца такой курс обязателен.

– Что из себя представляет современный стиль иконописи? И есть ли среда, о которой, впрочем, широкая публика почти ничего не знает?

– Так и должно быть по определению, это искусство безымянное, анонимное, соборное. Это искусство церковное, оно не принадлежит кому-то одному. Если я пишу икону, то я не стараюсь самовыразиться и поставить свою подпись под ней. В качестве примера такого церковного отношения к авторству можно привести греческий обычай, когда икона подписывается: «рукою такого-то». Обычай этот очень старый, но он существует и сейчас. Автор обозначает свое имя, но таким вот ненавязчивым образом. А по поводу иконописной среды можно говорить много, но в каком-то

смысле мы все маргиналы. Мы занимаемся таким видом искусства, который хотя и широко распространяется сегодня, но авторы его не столь известны. Все очень условно. И если мы говорим, что вот это икона рублевская, – не факт, что ее писал именно Рублев. Он в одиночку обычно не работал, иконопись вообще очень социальный вид искусства. Если и подписывалась икона, то ставилось «мастерская Рублева», «круг Рублева», «манера Рублева». А само по себе авторство здесь несущественно. Это соборное искусство, и если сравнивать его с музыкой, то это исполнительское искусство. И исполнители эти, как правило, не солисты, они работают ансамблем. Современная иконопись разнообразна и часто очень далеко уходит от идеала церковного искусства. Потому что главный смысл церковного

искусства – не производство предметов культа. Это не самовыражение, это продолжение богослужения. И это свидетельство об обращении Бога-Слова в Дело. И не на уровне теории, а это есть как бы соучастие в Творении Бога.

Ведь мы видим, что Господь присутствует в этом мире в Своем Творении: в хлебе и в вине, преобразующихся в тело и кровь Христовы. И через таинство воплощения не только люди, но и весь мир освящается. И в идеале церковное искусство должно быть наполнено осознанием этого сотворчества. Но иногда в реальной жизни, к сожалению, иконописание превращается в производство предметов культа, в способ существования.

– А в какой иконописной традиции находятся ваши работы?

– Меньше всего хотелось бы об этом думать. Если следовать какой-либо иконописной традиции, строго следовать чьему-то стилю, манере, то это будет имитация. Поэтому хочется забыть про традицию, про стиль – не про канон. Не потому, что это ненужное или презренное, но это не главное.

– *То есть творческое озарение присутствует?*

– Куда ж от него деваться. Но канон – это правило. Эти правила церковного искусства не очень жесткие, не настолько страшные, чтобы не дать художнику проявиться. Скорее это скелет, это направление, то, что помогает работать. И если определена задача идейная, духовная, мировоззренческая, то художник в каком-то смысле уже свободен от этих поисков. Иконопись по

сравнению с живописью не очень творческое дело. Канон – это партитура, а работа церковного иконописца – это исполнительство. Импровизация допускается, но в разумных пределах. Это все дело вкуса.

– Есть понятие «намоленная икона». Когда веками и десятилетиями перед иконой молились поколения людей, то это накладывало на нее свой отпечаток, и возникала особая духовная энергетика, творились чудеса. А как вы сами определяете икону?

– По поводу намоленности и таинственного мистического воздействия иконы говорить очень трудно, и я не буду говорить ни про свой опыт, ни про то, что я видел и слышал от людей.

Чудеса, которые случаются перед иконами, от икон, описаны

многими. Но механизм их воздействия на нашу жизнь – это воистину тайна. В 1980 году я написал первую свою икону. И по мере того как я углублялся в эту тему, изучал технику, стили и историю, сам пытался что-то делать, я пришел к такому определению: икона – это путь. И для меня гораздо важнее сам процесс создания иконы, чем даже результат. Потому что свою душу можно и должно воспитывать и формировать через какое-то делание. Это очень распространено в восточных искусствах. Икебана-до, айки-до. До – это путь. Икона тоже до. Тоже путь.

– Ведь вы одно время преподавали иконопись в Японии?

– Да. И кое-чего там набрался. Хотя серьезной философской подготовки у меня нет. Но японцы

сразу поняли, что именно сам процесс важнее всего. Он важен как род аскетической практики, как способ познания мира и формирования собственной души. Если это происходит, то главная задача церковного искусства выполняется. Я думаю, что огромное количество икон, которые дошли до нас еще со времен Средневековья, связано с тем, что многие люди иконописанием занимались как делом. Не хочу говорить, что это рукоделие или хобби. Для многих иерархов Русской Церкви это было излюбленное дело. Вспомним Петра, митрополита Московского, Феофана Затворника, которые писанием икон занимались как упражнением.

pdf | document generated
automatically from [https://
dev.opusdei.org/ru-kz/article/ikona-
sviatogo-khosemarii/](https://dev.opusdei.org/ru-kz/article/ikona-sviatogo-khosemarii/) (06.08.2025)